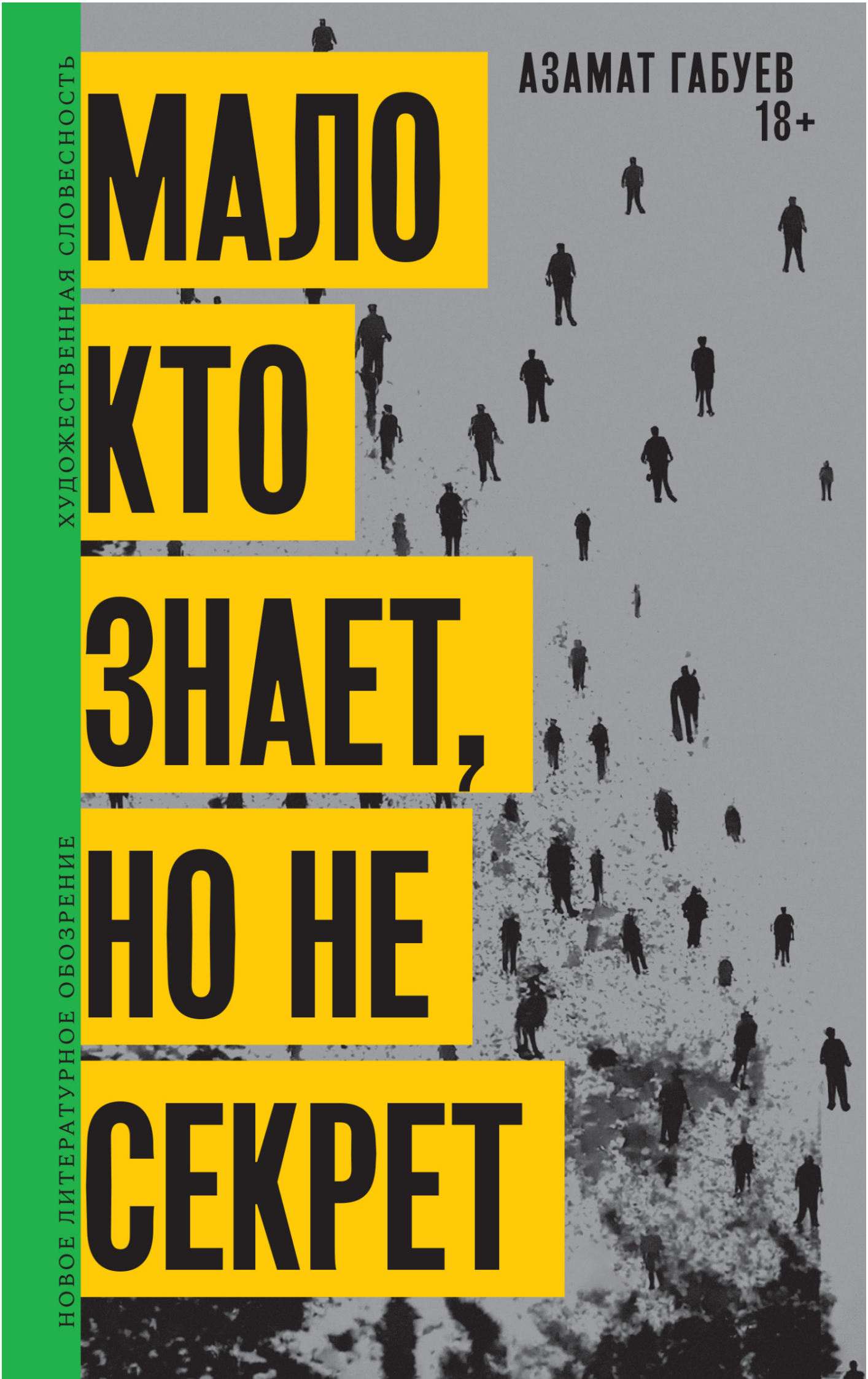
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ
АЗАМАТ ГАБУЕВ
18+
МАЛО КТО ЗНАЕТ, НО НЕ СЕКРЕТ

Азамат Габуев

Мало кто знает, но не секрет

«НЛО»
2025

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Габуев А. Б.

Мало кто знает, но не секрет / А. Б. Габуев — «НЛО», 2025

ISBN 978-5-4448-2848-9

«Я снял флаг с плеч и, размахивая им, под бурную овацию спустился с крыльца. – Какой враг, Реваз? – спросил Вадим. – Когда дело правое, враг есть всегда, хоть и не всегда видимый». Книга Азамата Габуева рассказывает о трудах и днях среднестатистического чиновника, который пользуется коррупционными связями и придумывает для местного парламента самые абсурдные законы и запреты, но при этом сам бессовестно ведет двойную жизнь. Однажды он встречается с говорящим бюстом Сталина и очень быстро превращается в проводника его тиранической воли. За остроумной сатирой и литературной игрой в романе Габуева скрывается веселая макабрическая фантазия, где сосуществуют конспирология, исторический делирий и сложное устройство современного общества. Азамат Габуев – автор романа «Холодный день на солнце» (2018) и множества рассказов, опубликованных в журналах «Esquire», «Октябрь», «Дружба народов» и др. Лонг-лист премии «Дебют» (2011), шорт-лист премии «ФИКШН35» (2019).

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4448-2848-9

© Габуев А. Б., 2025
© НЛО, 2025

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 34

Азамат Габуев
Мало кто знает, но не секрет. Роман

© А. Габуев, 2025
© Н. Агапова, дизайн обложки, 2025
© ООО «Новое литературное обозрение», 2025

* * *

У пахана инфаркт случился. Они с кентами за городом зависали – в Майрамадаге, поэтому его отвезли в алагирскую больницу, а оттуда уже матушке позвонили. Я со второго этажа прибежал на ее крик.

– *Мæнæ судзгæ мæгуырбон! Мæнæ мæ хæдзар куы фехæлд!*[1]

Я аж испугался, но быстро сказал себе: «Так, если пахан умер, то ты теперь в доме старший, поэтому должен вести себя как подобает старшему». И тут я сразу собрался, взял матушкины руки, чтобы она себя ими по бедрам не била, и спросил:

– Что? Что случилось?

– *Мæгуырбон!* Вот что случилось.

Щеки у нее были красные, глаза тоже.

– Можешь конкретнее? С папой что-то?

Все это на кухне происходило. А она у нас просторная, и там эхо бывает, если громко говорить, так что мой голос звучал как с трибуны. На матушку это подействовало успокаивающе. Она притихла, а потом сказала:

– В больнице он. Инфаркт.

Я выдохнул: ну хоть живой.

– А кто звонил?

– Таймураз. Они все там сейчас. И Мурат, и Толик. В Алагире. Сами его отвезли куда ближе было.

Я отпустил ее руки, и она закрыла лицо. Я упер кулаки в бока. Умер пахан или нет, все равно выходило, что я старший, пока его нет в доме.

Рядом с лестницей Диана стояла – не заметил, как она спустилась. Она подняла брови и ладонь кверху раскрыла, типа «Что происходит?». Я ей показал жестами, чтобы накапала корвалол, и снова повернулся к матушке:

– Значит, едем в Алагир.

Диана дала матушке рюмку с корвалолом и стакан воды, чтобы запить. Матушка выпила, поморщилась, встала со стула и сказала, что пойдет оденется. Я объяснил Диане, в чем дело. Она спросила, споласкивая рюмку:

– А детей мы с собой возьмем или к моим закинем?

– С детьми ты посидишь.

– В смысле? Я что, не еду?

– Лучше не надо. Потом отдельно съездим, если завтра не выпишут.

– Ладно. Тебе виднее.

Нравится мне, что она никогда не спорит. В смысле, в семье. За пределами дома она та еще акула. Недавно в кафе ей с подругами заказ долго несли, так она там такой хай подняла, что к ним администраторша извиняться вышла и бесплатные десерты дала. Меня там не было. Диана мне сама рассказала – хвасталась.

---

[1] Вот же черный день! Разрушен мой дом! (*осетинск.*)

Матушка вышла в черной кофте и длинной черной юбке.

– Ты чего это вся в черном? – возмутился я.

– Точно! Что творю, не соображаю.

Она снова ушла в их с паханом спальню и вернулась в леопардовой кофте. Так-то лучше.

В дороге матушка позвонила Тине, моей сестре, и чуть снова не разревелась, но быстро успокоилась и закемарила – корвалол подействовал. Вообще у сестры имя Кристина. Родители в свое время не понимали, что оно значит. Я первый ее стал Тиной называть, а потом другие подхватили.

Когда мы проезжали Рощу Хетага, матушка открыла глаза:

– Может, остановишься?

– На обратном пути.

Во дворе больницы стоял пахановский «крузер» рядом с таймуразовским «ровером». Сам Таймураз, Толик и Мурат на лавочке сидели и курили. Кто в джинсах, кто в спортивках. Я вылез из машины, они встали, и я пожал всем руки. По лицам сразу понял: положение не критическое. Матушка тоже подошла. Толик показал нужный корпус и сказал, какая палата. А Таймураз отдал мне ключи от пахановской машины:

– Есть кому ее пригнать? Если нет, любого из нас проси.

Мне не по кайфу было напрягать мужчин, которые мне в отцы годятся. Свой *æгъдау*[2] они и так сделали – больницу организовали, нас подождали – спасибо им большое.

– Надеюсь, он сам ее пригонит.

– Ладно. – Таймураз улыбнулся. – Караул сдан.

– Все будет в порядке. – Мурат хлопнул меня по спине, и от него пахнуло аракой. Они втроем залезли в «ровер» и уехали.

Пахан сразу приподнялся, когда мы вошли. Он был бледный, но бодрый. В палате еще трое лежали. Из них двое без сознания. У пахана на руке иголка пластырем приклеена была, а из иголки трубочка от капельницы торчала. Стул рядом с койкой был только один, и на него матушка села. А я стоять остался.

– Ну как ты? – спросила матушка.

– Ничего. В моем возрасте без инфаркта уже неприлично. У Толика аж пять лет назад был. А он на два года меня младше.

Матушка снова заплакала, только тихо, без причитаний. Пахан ее успокаивал:

– Не надо меня раньше времени оплакивать. Я еще на тот свет не собираюсь.

– Как это вообще случилось?

– Ну как, как? Мы приехали на озеро. Пожарили шашлыки, выпили. И тут у меня в груди заболело. Такая жгущая боль. Я один валидол съел – не помогает, второй – не помогает. Толик и догадался, что инфаркт. Я же говорю – у него опыт. Я даже сознание не терял всю дорогу. Только здесь вырубился, когда укол сделали.

Вошла медсестра и стала другому пациенту капельницу ставить. Пахан попросил матушку оставить нас. Она молча вышла.

– Садись.

Я сел.

– Во-первых, я рассказал официальную версию. Ты как политик должен это понимать.

Я кивнул.

– Во-вторых, я могу отсюда не выйти.

– Эй, вот не надо это…

– Эй, вот не перебивай.

Я замолчал.

---

[2] Обычай, должное поведение (*осетинск.*).

– Прогноз, говорят, хороший. Но кто знает до конца? На кого мне положиться, если не на тебя?

В этот момент у меня у самого чуть сердце не заболело. Приятно, когда отец тебе доверяет, как себе самому. У меня хоть нет братьев-конкурентов, но все равно – он мог ведь положиться на того же Таймураза или еще на кого-то. Я придвинулся вместе со стулом:

– Что нужно?

– Подушку мне поправь для начала.

Я привстал и помог ему лечь поудобнее.

– Вот так хорошо. Ключи от машины у кого?

Я хлопнул по карману.

– Молодец. Там нужно прибраться. В бардачке. И остальное на всякий случай тоже проверь. Так, чтобы мать не видела. Иди сейчас, а ее сюда позови.

Я вышел из палаты, позвал матушку, а сам побежал во двор – быстро, прям как когда мелким пахану за сигаретами в ларек бегал.

В кабине было чисто. Только на заднем сиденье мастерка валялась, и я ее повесил на крючок. Потом открыл бардачок. Там были зонт, бумаги, сигареты, зажигалка, книга про иллюминатов и – по ходу, на это он и намекал – пластинка «Виагры» без двух таблеток и открытая пачка презервативов. Я взял пластинку и пачку и выбросил в мусорку. Только не рядом с машиной, а подальше.

Я уже хотел зайти в больницу, но тут увидел Аслана, мужа Тины. Он выходил из больничной часовни спиной вперед. Меня чуть не стошнило. Наши предки не поклонялись никаким богам. С небожителями они разговаривали на равных. Даже дверные проемы делали высокими, чтобы головы не пригибать и чтобы на небе никто случайно не подумал, что они кланяются.

Этого про Аслана я не знал. Надеюсь, моих будущих племянников он крестить не посмеет. Крещение закрывает важные чакры организма, и потом их очень трудно открывать. В своем доме я это сразу пресек, когда Диана думала Урузмага покрестить. Мы тогда договорились, что пусть она, если хочет, носит в бумажнике иконки и ставит свечи в церкви, но детей в это дело не вмешивает. На Амагу она уже не покушалась. И вот тебе сюрприз от зятя.

Я пошел к Аслану и резко пожал руку – считай, просто хлопнул по ладони, чтобы моя собственная рука ладаном не пропахла.

– А где моя сестра? – спросил я у него.

– К отцу пошла.

– А ты чего не пошел?

– Думаю, он хочет видеть только родных. А я лучше помолюсь за него.

– Место, где за него нужно молиться, в десяти километрах отсюда.

Он ничего не ответил, и я не знал, что еще сказать.

В коридоре я спросил у него, кого он знает в этой больнице. Он никого не знал. Хотя он врач. Зачем быть врачом, если у тебя нет связей в больницах? Да и какой он врач? Стыдно сказать: проктолог. Не могла моя сестра во всей медакадемии найти парня с нормальной специальностью? Конечно, с парнями там напряженка, но не настолько же. Мне каждый раз не по кайфу отвечать людям, чем мой зять занимается.

В общем, сам узнал в регистратуре, кто лечит моего отца. Сказали, Алла Хацаева, дежурный врач. Нашел ее. Лет пятьдесят, с короткой стрижкой, очень худая и в очках. Я ей объяснил, кто я такой и чей я сын, чтобы она осознавала уровень ответственности. Спросил про перевод в Республиканскую клиническую или в бесланский медцентр.

– Смысла нет. Завтра выписываем.

– А отдельную палату ему нельзя?

– Отдельных у нас нет. Эта одна из лучших.

– Может, нужно какие-то лекарства купить?

– Что надо, мы ему дали. А что дома принимать, я напишу.

Я подошел к ее столу и кинул в ящик пятнадцать штук.

– Хорошо за ним посмотрите эту ночь.

– *Ма тыхс*[3]. Без присмотра не оставим.

Я спросил у Аслана, кто еще решает вопросы в больницах. Он сказал, что медсестры тоже важные. Хоть что-то знает. Я поймал в коридоре медсестру – ту самую, которая капельницу ставила, – сунул ей пятерку в карман и сказал просто: «Батразов Хазби». Это пахана так зовут. Она улыбнулась, кивнула и убежала.

В палате Тина выговаривала пахану:

– Это все из-за твоей жирной пищи. Знаешь же, как жирное для сердца вредно. А еще Диана говорила мне, что она *дзыкка* часто делает. Ты, говорит, сам ее просишь. Это вообще сплошной холестерин.

– Ты давай Дианыну *дзыкку* не ругай, – вмешался я. – Сама что полезного готовишь?

Я посмотрел на Аслана, типа «Чем она тебя кормит?», но как-то не увидел у него на лице поддержки.

– Начинается. – Пахан заерзал. – То вредно, это нельзя. Ерунда это все. Наши деды ели и шашлыки, и *дзыкка*, и пироги с топленым маслом. И ничего – до ста лет жили. И вообще, ты – косметолог.

Тина умолкла. Я спросил пахана, что с машиной делать. Решили, что я отгоню ее домой, а мой «цивик» Аслан пригонит. В итоге на обратном пути матушка с Асланом в «цивике» ехала, а Тина вела их «опель». На Роще Хетага я остановился и пропустил других вперед.

В июле, на праздник, мы в Роще всей семьей были. Амага завязывала ленточки на деревья, а Урузмаг откусил от пирогов и пригубил пива из рук *дзуарылæга*[4]. Он уже четвертый раз был в Роще. Каждый осетин должен побывать там хотя бы три раза.

Я прошел через поляну в чащу. Нашел дерево, на котором висит картина с Уастырджи. Перед деревом стоит стол и деревянный столб с закругленной вершиной и специальными выемками для бутылок араки внизу. А сбоку от картины – железный ящик для *мысайнага*[5].

Ленточки на дереве колыхались. Я взял одну из бутылок, открутил крышечку и попросил у Всевышнего и Святого Места, чтобы мой отец вышел из больницы на своих ногах и прожил еще много лет. Еще я попросил у Уастырджи, чтобы Аслан, а тем более Тина с матушкой доехали до дома без происшествий. Пригубил, закрутил крышечку и вернул бутылку на место. А после этого достал что было в кошельке – пятнадцать штук – и сунул в щель в ящике.

На выходе из Рощи я отряхнул землю с кроссовок и снял колючку, которая к джинсам прицепилась. Из Рощи ничего нельзя выносить. Даже травинку. Когда я снова сел в машину, у меня было такое чувство, что я все сделал правильно и все будет хорошо.

***

Пахану назначили санаторий. Я все организовал и отвез их с матушкой в Кисловодск. Матушка сама напросилась. Мол, похудеть хочет и давление нормализовать, а на деле – за паханом приглядывать. А почему нет? Ему нужны размеренность и умеренность, а если одного оставить – этого не жди.

В Осетию я вернулся – еще темно не было. С Эльхотова я позвонил Альде, но она сказала, что у нее съемки. Поэтому я приехал домой, отдохнул, выспался и утром бодряком пошел на работу, а вечером – на очередное занятие по гурджиевским танцам.

---

[3] Не беспокойся (*осетинск.*).

[4] Дзуары лæг – жрец (*осетинск.*).

[5] Мысайнаг – пожертвование (*осетинск.*).

Я занимаюсь гурджиевскими танцами уже год. Они помогают мне не только поддерживать физическую форму, но и восстанавливать духовные силы, которые высасывает из меня нелегкая государственная работа.

Ошибочно считается, что Георгий Иванович Гурджиев был армянским греком. На самом деле он был осетином. Это очень маленькая фамилия. Ее основатель – горийский осетин, который убил грузинского князя и убежал на север от кровной мести. Там его стали называть «*Гуырдзыты*», что значит «из грузинских», а сам он произносил это по-южански «*Гурджыты*». Русские паспортисты так и записали его семью – Гурджиевы. Через три поколения часть фамилии переехала в Армению, в Гюмри. Там и родился Георгий Иванович. Он всегда осознавал себя осетином. Свою систему духовно-физических упражнений он разработал на основе древних ир-ас-аланских представлений о природе человека, а в музыке реконструировал скифскую мелодику. Георгий Иванович учился со Сталиным в Тифлисской семинарии и был его другом. Когда они поняли, что христианство придумали евреи, чтобы управлять миром, то забросили учебу и создали свою эзотерическую группу арийской духовности. За это их отчислили.

Наш тренер Алик Гурджиев приходится Георгию Ивановичу двоюродным правнуком. Он много лет изучал наследие своего великого родственника, а также создавал собственные танцы в той же традиции. Он открыл свою школу с нуля. Сначала проводил занятия дома или, если позволяла погода, за городом, а теперь снимает балетный зал в ДК «Металлург». Деньги Алик берет минимальные, чтобы только хватало на аренду и зарплату для пианиста. Говорит, из сакральных танцев нельзя делать бизнес. А так он остеопат. У нас две группы – мужская и женская. У Георгия Ивановича группы были смешанные, но Алик считает, что лучше заниматься отдельно, чтобы не возникало сексуальное напряжение: оно вредит свободному току энергий внутри тела.

– Как дела, Реваз? – Ко мне в раздевалке подошел Аца с Министерства культуры. У нас почти вся группа – госслужащие или люди на должностях. Стас Чепенаев – судья, Валера Битинаев – государственный регистратор, Чера Габарбахов, кстати мой однокурсник, – следователь СК, и так далее.

– Нормально. Как сам?

– Ничего. Как пахан?

Я не спросил, откуда он слышал про пахана, – в Осетии слухи быстро расходятся.

– В порядке. В Кисловодск его отвез вчера.

– Приводи его сюда для профилактики.

– О нет. На это я его не подпишу.

Пахан не понимает гурджиевские танцы. Это объяснимо – в его молодости информации о сакральном было мало.

Я снял футболку, надел свой особый черный *хæдон*[6] для танцев и стал застегивать пуговицы сверху вниз. Аца был уже почти одет для танцев, только без обуви.

– А как с нашим проектом? – спросил он осторожно.

Это про законопроект о свадьбах, который он написал, а я внес. Законопроект предусматривает запрет на европейское платье невесты, запрет жениху и невесте садиться рядом и пятидесятипроцентную квоту на национальную музыку. Первое чтение как раз сегодня было, и на сайте еще не опубликовали итоги.

– Успех частичный, – сказал я. – Только квота. Да и то… – Я присел на скамейку, чтобы снять джинсы и надеть шаровары.

– Что?

[6] Хæдон – рубашка (*осетинск.*). Обычно так называют традиционную кавказскую рубашку с воротником-стойкой.

– Во-первых, не пятьдесят, а сорок процентов, во-вторых, на любую кавказскую музыку, не только нашу.

– От гандагана никуда не деться, – Аца делано улыбнулся, – будем считать и это достижением.

– По-любому. Ансамбли без работы не останутся.

Аца сел рядом. Мы надели чешки и вместе с другими покинули раздевалку.

Сначала разминка. Правую руку вперед – левую ногу назад, левую руку вперед – правую ногу назад. Руки вперед, сгибаем в локтях под прямым углом, правое предплечье ставим перпендикулярно левому накрест, левую кисть гнем вправо, правую – вниз. Потом то же самое зеркально. Эти упражнения мы делаем синхронно с Аликом без музыки. После разминки пианист начинает играть.

Мы исполнили танцы, которые уже разучили. Среди них четыре танца Георгия Ивановича: Канон шести мер – он же Космический танец, Черно-белая магия, Автоматон и Эзотерический, а также два танца авторства Алика: *Сауссæ* и Трансперсональный *цоппай.*

В начале Канона шести мер я еще думал о своих проблемах: законопроектах, здоровье пахана, Альде… Но вскоре музыка влилась в меня, и я растворился в едином целом. Каждый был мне брат и даже ближе. Мы были лучами, волнами в эзотерическом энергетическом потоке. Так обычно и бывает.

После Трансперсонального *цоппая* мы отработали несколько новых движений без музыки, а потом Алик произнес свою традиционную напутственную речь:

– Постигший истину становится могущественным человеком. Знали это нарты очень хорошо. Тело свое они тренировали, а еще больше – свой дух. В Нартском эпосе есть наставление «*Бон куывдæй æрвит*». Дни в молитвах проводи. Но когда решать придется, решай сам – советов не спрашивай. Чаша *Уацамонгæ* доставалась тому, кто мог побороть свои мысли о прошлом и о будущем, которых не существует. Прошлого и будущего для космоса нет. Произвольным страдание может быть: можно страдать за вчерашний день и можно за завтрашний. Или можно просто страдать потому, что тебе плохо. Воин может опираться только на реальность. Когда атаковать, когда отступить, когда промолчать и когда говорить, он знает. Такова вера древних. Асами назывались люди, понимавшие это. Слово Осетия, вернее Асетия, – отсюда. Как мастера своего дела, вожди, люди, подобные богам, в преданиях многих народов остались асы. Нам дано многое, мы получили и генетический, и культурный код асов. Но этого мало. Каждый день развиваться должны мы. Знание – тонкая материя. Если истинное знание распределить между миллионами, то очень немного придется на каждого, и в ложь обратится истина. Впрочем, большинству истина не нужна. Не быть этим большинством – ваше призвание. В темном месте мы находим себя, и лишь знания освещают наш путь.

Мы – девять мужчин в *хæдонах* и шароварах – воскликнули: «Ас!» Можно было расходиться.

– Реваз, задержись, – вдруг окликнул меня Алик.

Я пропустил других вперед. Алик дождался, когда они выйдут. Он был совсем не потный, несмотря на час сложных танцев.

– Слышал про твоего отца.

– Да. Ему лучше.

– А раньше он на сердце жаловался?

Я мотнул головой.

– Он ведь у тебя серьезный начальник?

– Типа того.

Все знают, что пахан – директор Владавтотрама, а до этого был начальником Комитета дорожного хозяйства.

– Сто процентов, у него есть завистники. Я бы на твоем месте проверил дом на *кæлæнтæ*[7].

Как я сразу об это не подумал? Если занимаешь такую должность, не бывает, чтобы тебе кто-то не желал зла. Тем более что в муниципальных структурах Владикавказа любят ходить к *кæлæнтологам.*

– А что, если я найду?

– Тогда мне сообщи. Я знаю одного специалиста.

– Заезжего?

– Местного. Все. Давай. До вторника.

Алик хлопнул меня по плечу, и я вышел.

***

Ко мне на работу пришел Бибо – мой помощник на общественных началах. Мы с ним почти не виделись на летних каникулах, так что появиться в начале сессии с его стороны было очень к месту. Толковый парень, хоть и молодой совсем, двадцать два года. Он ходит исключительно в *хæдоне*, поет в хоре «*Ариаг*» и вообще активно выступает за всяческое сохранение и пропаганду наших традиций. По профессии он ювелир, делает украшения в скифо-сарматском стиле и продает их через соцсети. Я с ним на этой теме и познакомился, когда для Альды браслет искал. Теперь он не только мой помощник, но и, когда надо, в матушкином магазине кольца под размер подгоняет.

– *Байрай, Реваз.* – Вот так он здоровается. Не какое-то там авраамистское «салам», а исконно аланское *«байрай»*. – *Æмбæлы дæм?*[8]

– *Табуафси*[9].

Бибо подошел к приставному столу для посетителей.

– Присаживайся.

Он сел. За пахана, само собой, спросил, а я сказал, что все не так уж страшно.

– Как сам? – спросил я. – Как золото, как серебро?

– Так. – Бибо покрутил ладонью в воздухе. – Оставляет желать.

– Ничего. Стабилизируется. Ты на острие культурного возрождения. Не забывай.

Бибо вытер платком пот со лба.

– Выпей воды, – я показал на кувшин на столе. Этот глиняный кувшин с четырьмя стаканами я купил у другого молодого умельца на ярмарке.

Бибо налил воды, воздел глаза к небу, пожелал здоровья пахану и выпил.

– Думаю, Реваз Хазбиевич, нам нужно организовываться.

– В каком смысле?

– В дружинном.

– Дружина – это хорошо, – я потянулся и хрустнул шеей. – И что вы собираетесь делать?

– Задумок много. Можем раздавать туристам буклеты с правилами поведения, патрулировать парки, чтобы молодежь там непотребства не творила, отбирать сигареты у девушек…

– Стоп, стоп, стоп!

Бибо тут же замолчал и вытянулся, как подобает младшему.

– Твой энтузиазм похвален. Но ты помощник депутата и должен оставаться в правовом поле.

– Я потому и пришел, чтобы поговорить, что мы можем, что не можем.

---

[7] Колдовство, порча (*осетинск.*).

[8] Возрадуйся, Реваз! Можно войти? (*осетинск.*)

[9] Пожалуйста (*осетинск.*).

– Вот это слова не мальчика, но мужа. Кстати, *хъуыддаг нæма кæныс?*[10]

– Некогда. Бизнес, творчество, общественная деятельность…

– Ничего, у тебя все впереди. Я сам в двадцать восемь женился. До этого встречался с одной овцой…

– Реваз.

– Да. Точно. Дружина. Ну смотри, вы не должны никого бить, ругаться матом, портить чужое имущество, мешать уличному движению и так далее. С Кодексом об административных правонарушениях знаком?

– Нет.

– Почитай. Глава «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность». Найди в интернете и кинь своим ребятам. Все, что там написано, вы не должны делать.

Бибо достал телефон.

– Кодекс об административных правонарушениях. Как глава называется, ты сказал?

– Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность.

– …и безопасность. Нашел.

– Не помешает и другие главы почитать. Если действия тех, кому вы будете делать замечания, подпадут под какую-нибудь статью, вызывайте полицию. Например, если кто-то бухает в парке. Полицию, понял? Сами никого… – и тут я заметил необычную вышивку у Бибо на *хæдоне*: три треугольника, переплетенные как узел. – А это у тебя что?

– Валькнут.

– Какой кнут?

– Валькнут. Древнегерманский символ.

– Так и продавалось?

– Сам вышил.

Я хотел ему сказать, что вышивать – не мужское дело, но тут же решил, что для арийской символики должно быть исключение.

– Одобряю. Касаемо вашей дружины, начните с чего-нибудь простого. Про алкоголь в парках я уже сказал. Что еще? Мусор там всякий. Не в смысле убирайте, а делайте замечания тем, кто мусорит. Хотя субботники тоже не помешают. Символику можете раздавать. Ну флажки всякие, ленточки…

– Триксель Славы?

– Само собой.

– Отлично. Значки я сам сделаю.

– Вот, вот. Вам нужна хорошая репутация. Сколько вас, кстати?

– Со мной будет девять.

– И кто остальные?

– С хора ребята. Нормальные ребята.

– Уверен, что ты со сбродом всяким не водишься. А название у дружины есть? Или назоветесь, как хор – «*Ариаг*»?

– Пока рабочее название «Барс против».

– Типа как «Лев против»?

– Ага. Не нравится?

– Ну не знаю. Лучше бы на осетинском что-нибудь.

Бибо задумался на пару секунд.

– «*Фыранк ныхмæ*» как-то не очень звучит.

[10] Дело еще не делаешь? (*осетинск.*)

– Я не имел в виду дословно переводить. Придумайте одно слово. Чтобы емко и запоминалось.

– Подумаем, – Бибо встал. – Ну, мне пора, с позволения.

Я тоже встал и пожал ему руку:

– Пиши, если захочешь поговорить, – и показал глазами на стены.

Надеюсь, он понял знак. Не знаю, прослушивают ли мой кабинет, но осторожность не помешает. В стране и мире много враждебных и влиятельных сил.

Когда Бибо ушел, я погуглил валькнут. Действительно древний символ. Означает три мира: Асгард, Мидгард и Удгард. Прям как наши три пирога, особенно треугольных. Я все больше убеждаюсь в том, что именно в наших обычаях сохранился древний арийский код. Я тут же написал Бибо: «Сделаешь мне такую же вышивку?» Бибо: «Не вопрос».

***

Проект Закона Республики Северная Осетия – Алания

О внесении изменений в Закон Республики Северная Осетия – Алания от 17 ноября 2014 года № 43-Р «Об административной ответственности за отдельные виды правонарушений»

Статья 1

Дополнить Закон Республики Северная Осетия – Алания от 17 ноября 2014 года № 43-Р «Об административной ответственности за отдельные виды правонарушений» статьей 17.11 следующего содержания:

«**Статья 17.11. Ненадлежащее осуществление лицами мужского пола контроля за лицами женского пола, находящимися с ними в родстве или свойстве**

1. Ненадлежащее осуществление лицом мужского пола контроля за лицом женского пола, находящимся с ним в родстве или свойстве, приведшее к совершению последним правонарушения предусмотренного

• статьей 6.11 КоАП РФ. Занятие проституцией;

• статьей 6.24 КоАП РФ. Нарушение установленного федеральным законом запрета курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах;

• статьей 20.1 КоАП РФ. Мелкое хулиганство;

• статьей 20.2 КоАП РФ. Организация массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка;

• статьей 20.21 КоАП РФ. Появление в общественных местах в состоянии опьянения —

влечет наложение административного штрафа в размере до 50 000 рублей.

2. Субъектами административной ответственности за правонарушение, предусмотренное частью 1 настоящей статьи, являются:

• муж, если названное в части 1 настоящей статьи лицо женского пола состоит в браке;

• отец, если названное в части 1 настоящей статьи лицо женского пола не состоит в браке;

• брат при отсутствии мужа и отца;

• старший из ближайших родственников мужского пола при отсутствии всех вышеназванных лиц».

Статья 2

Настоящий закон вступает в силу по истечении десяти дней со дня его официального опубликования.

Пояснительная записка

Мы живем в национальной республике, где большую роль играют традиции и обычаи осетинского народа. Среди этих традиций – особое положение женщины как хранительницы очага.

Современные реалии и агрессивная западная пропаганда размывают вековые устои. Среди женщин все больше распространяются пьянство, курение, половая невоздержанность, склонность к антиобщественному поведению. Это разрушает институт семьи. Отдаленные (впрочем, не очень) последствия этого – деградация и вымирание народа.

Между тем, как известно, женщина не будет нарушать нравственность и порядок, если находящиеся рядом мужчины правильно ее воспитывают. «*Сылгоймаг у рæдийаг* (женщине свойственно ошибаться)» – гласит осетинская поговорка. Издревле ответственными за поведение женщин были мужчины. За замужнюю отвечал муж, за незамужнюю – отец, брат и так далее. Такая система контроля обеспечивала общественную стабильность.

Законопроектом предлагается установить административную ответственность мужчин за аморальное и противоправное поведение жен или родственниц дополнительно к ответственности самих нарушительниц, установленной КоАП РФ.

Реализация законопроекта не требует бюджетного финансирования.

Депутаты

Батразов Р. Х.

Цахарадонов В. Р.

***

К нам прилетел сам Коромыслов. Это мне Вадим сказал. Мол, он всего на пару дней и сегодня выступает с закрытой лекцией в СОГУ.

Вадим самовыдвиженец, как и я. Но наши пути в парламент были разными. Я с самого начала строил карьеру на госслужбе – зарекомендовал себя в Министерстве по делам молодежи, а потом избрался депутатом от Затеречного района Владикавказа. А Вадим стал чемпионом мира по армрестлингу, открыл сеть аптек здорового питания и выдвинулся от Правобережного района. Мы оба входим в комитет по национальной политике, где я председатель. Мы сдружились, хотя он сильно младше меня. Ему двадцать восемь, а мне тридцать шесть. Он не женат, а у меня двое детей. Вадим очень думающий. Не зря он читает таких авторов, как Коромыслов.

Про лекцию Вадим узнал от своей тети, которая на истфаке завкафедрой, и попросил включить нас в список приглашенных. Я, с одной стороны, был рад сходить, с другой – расстроился, что не я все первый узнал и организовал. Поэтому сказал:

– Ну, это не обязательно было. С нашими корочками и так бы пропустили.

– Может быть, – улыбнулся Вадим. – Но зачем еще нужна тетя на истфаке, если ей не звонить по таким вопросам?

Я молча согласился.

Это было утром. А к двум часам мы, не пообедав, двинули в СОГУ на моей машине. По пути Вадим позвонил тете и уточнил, в какой аудитории лекция. Оказалось, в главном здании, где журфак, филфак и ректорат. Мы оставили машину на библиотеке.

Пока мы шли, я несколько раз оборачивался на студенток. Все-таки у нас самые красивые девушки. Осетинки всегда были красивые на лицо: пухлые губы, большие глаза; а поколение нынешних студенток еще и длинноногое. Видимо, наш генотип наконец очистился от монгольских примесей.

На проходной мы показали депутатские корочки, и нас без вопросов пропустили. Я подошел к группе из трех девушек, пышущих молодостью и красотой.

– Девушки, вы не знаете, где тут сто восемнадцатая аудитория?

– Как войдете, прямо, потом направо и сразу увидите, – ответила рыжая с голубыми глазами.

Ее подружки примолкли и смотрели внимательно на нас, наши костюмы и шелковые *хæдоны*. Видимо, гадали, кто мы: для студентов слишком взрослые, а для преподов слишком нарядные.

Я поблагодарил за указанную дорогу и спросил, с какого они факультета.

– Журфак, – ответила смуглая брюнетка, ее серое трикотажное платье обтягивало пышные формы.

Третья девушка, модельного роста блондинка, шепнула что-то рыжей на ухо, и обе хихикнули.

– Ну и как там сейчас на журфаке?

– Нормально, – сказала брюнетка, – только читать много надо.

– Зачем таким красивым девушкам много читать? Смотрите не перестарайтесь, а то замуж не выйдете.

– А мы и не пере… перстаро… в общем не слишком того, – сказала высокая, а рыжая двинула ее сумкой.

– А вы сами кто? – вмешалась фигуристая брюнетка.

– Мы депутаты.

– Думы?

– Пока нет. Мы из парламента республики. Если среди вас кто-то живет в Затеречном, то могли и голосовать за меня.

– Я с Затеречного, – сказала рыжая. – Но мне еще не было восемнадцать на последние выборы.

– Тогда простительно.

Вадим толкнул меня в спину.

– Ладно, нам пора, – сказал я.

– До свидания! – попрощались девушки.

Мы прошли через стеклянную дверь.

– Что это сейчас было, Реваз?

– Ничего. Молодость вспомнил. Ты бы которую взял?

– В смысле взял?

– Ох, ладно. Забудь.

Перед аудиторией женщина лет пятидесяти в желтом брючном костюме проверяла людей по списку.

– Так, а вы, молодые люди, кто?

– Мы от Елены Зелимхановны.

– Вы ее племянник, который депутат, да? Можете садиться везде, кроме первых двух рядов. А вы тоже из парламента?

Я кивнул.

– Замечательно, проходите.

В аудитории были известные на всю Осетию люди: режиссер Тимур Келехсаев, лингвист Лариса Темирканова, историк Олег Джиоты. Народу в целом было много, но не так, чтобы не хватало мест. Мы сели на четвертом ряду ближе к выходу. На кафедре стояли микрофон и бутылка воды «*Урсхох*».

– Посмотри, – Вадим кивнул на передний ряд. – Маир здесь.

– Не заметил. Пойду поздороваюсь.

– Ты с ним знаком?

– Само собой. А ты нет? Сейчас познакомлю.

Вадим встал вместе со мной. Мое знакомство с Маиром явно впечатлило его. Это вам не тетя с истфака. Маир Далармов – один из главных идеологов возрождения в Осетии древней арийской духовности. Он постоянно выступает на *Ир ТВ* как эксперт по этой теме, а его книги стоят в местных магазинах на самых видных местах.

– *Маир, дæ бон хорз*[11].

– О, Реваз. Молодец, что пришел.

Мы пожали руки.

– Это Вадим. Мой коллега.

Вадим тоже пожал руку Маиру:

– Я как раз читаю «Аланскую космогонию».

– Рад, что ее кто-то читает.

– Не скромничай, Маир. Тебе не идет. Скажи лучше, кто пригласил Коромыслова.

– Официально СОГУ, но я тоже руку приложил. Вот смотрите, – Маир взял со стула *стэйтоновский* пакет, вытащил оттуда книгу Коромыслова «Восход Гипербореи» и раскрыл в начале. Я прочитал автограф: «Дорогому Маиру, который вносит весомый вклад в наше общее дело, на долгую память от автора».

– Эх! – Вадим хлопнул себя по бедру. – И чего я его книги в бумаге не покупал? Сейчас бы тоже автограф взял.

– А вот и он, – Маир показал книгой в угол сцены. Коромыслов скромно сидел на стуле и пил воду. Я и не заметил, как он появился. – Все, начинается.

Маир сел, и мы сели рядом с ним, потому что там было как раз два свободных места. Женщина в желтом подошла к кафедре, постучала пальцем по микрофону и торжественно начала:

– Рада приветствовать всех, кто пришел на сегодняшнюю встречу. Огромное спасибо ректорату за то, что мы собрались сегодня в стенах университета. И спасибо пиво-безалкогольной компании «*Урсхох*» за то, что симпозиум *Vita Alaniæ*, в рамках которого проходит сегодняшняя встреча, стал возможным. Ну а наш лектор, я полагаю, в представлении не нуждается. – Она посмотрела на Коромыслова, он поправил очки. – Алексей Зенонович, не буду отнимать время. Микрофон ваш.

Зрители захлопали. Коромыслов встал за кафедру:

– *Уæ бон хорз!*

Зрители захлопали еще сильнее.

– Спасибо за теплый прием. Тему лекции я обозначил как «Осетинский ключ к воротам Евразии».

Женщина в желтом села на стул в углу и достала блокнот и ручку. Мы с Вадимом включили диктофоны. Коромыслов говорил:

– Название конференции *Vita Alaniæ* – Аланская Жизнь, или Жизнь Алании. Это не просто набор латинских слов. Речь идет о жизни Алании как территории и одновременно о жизни в аланском духе. А это уже выходит далеко за пределы современной Осетии и даже исторической Алании. Это грандиозная инициатива по осмыслению корней индоевропейской цивилизации.

Он рассказал, что Освальд Шпенглер в работе «Эпика человека» выделял три протоцивилизации. Первая – Атлантическая. Она связана с интересом к загробной жизни. Вторая – Кушитская. Это очень жизненная, материальная цивилизация. И третья – Туранская – куль-

[11] Маир, добрый день (*осетинск.*).

тура воинственных кочевых обществ. В основе евразийской культуры лежит как раз Туранская протоцивилизация. Туран – это код, ключ к европейской, индусской и иранской культурам.

Когда цивилизация, созданная туранами, становится оседлой, она развивается по разным путям. Но кто-то сохраняет исток. И этот исток сохранили осетины. Потому что Туран – это кочевые ираноязычные племена. А раз осетины прямые потомки скифов и сарматов, то мы и есть носители туранского кода.

Этот код обнаружил Жорж Дюмезиль, когда исследовал Нартский эпос. Для Дюмезиля Нартский эпос – основа индоевропейской культуры, которая выражается через идею трехфункциональной организации общества: жречество, военная аристократия и земледельцы. В нартском обществе эта структура представлена тремя родами: Алагата, Ахсартагката и Бората. Ни в каком другом устном фольклоре эта структура так четко не прослежена. Осетины – единственный индоевропейский народ, сохранивший живую связь с древностью.

Государство обычно возникает из двух этносов. Когда кочевые скотоводческие племена приходят туда, где живут оседлые земледельцы, они образуют военную аристократию нового общества. Сармат – это не столько этноним, сколько каста, функция власти.

И тут Коромыслов удивил всех присутствовавших, включая меня и Вадима. Он сказал, что был такой советский археолог Борис Рыбаков, который установил, что славяне являлись аграрной частью скифо-сарматских обществ. Лев Гумилев, в свою очередь, предлагал сарматскую теорию происхождения славянской государственности. Но идеи этих ученых не получили официальной поддержки. Очевидно, они были невыгодны определенным силам. Ну, так прямо Коромыслов не выразился, но дал понять.

– Таким образом, – Коромыслов вздохнул, – для нас, русских, изучение осетинской культуры есть движение к своим корням.

Мы не сразу поняли, что он закончил, и получилась пауза. Первым захлопал Маир, потом Вадим, а потом весь зал. Женщина в желтом поднялась и сказала, что есть несколько минут на вопросы.

Я думал, что же такое спросить, но не придумал, так подробно Коромыслов все осветил.

Девушка с задних рядов, которую я не разглядел, спросила:

– Означает ли сказанное вами, что известные пороки современной Европы представляют собой отход от скифо-сарматского культурного кода?

– Не совсем так, – пояснил Коромыслов. – Правильнее сказать, что современное состояние Европы есть следствие такого отхода и забвения истоков. Это не совсем одно и то же. Если мы посмотрим на Европу в широком смысле, то чем ближе то или иное общество к истокам, тем меньше в нем поощряется индивидуализм, меньше разрушаются коллективные идентичности, включая этнос и гендер. Негативных явлений больше всего у германцев и англосаксов, чуть меньше у романцев, очень мало у славян и почти нет на Кавказе. Хотя одна страна в Закавказье, не будем показывать пальцем, уверенно движется в сторону, так сказать, светлого европейского будущего.

Встал пожилой мужчина в костюме-тройке:

– Исходя из вашей мысли о том, что сармат – это функция власти в российском государстве, правильно ли будет сказать, что правление Сталина, который, как известно, был осетином, стало возвращением российского государства в историческую колею?

– Спасибо за вопрос. Так и есть. Сталин воссоздал Российскую империю, взяв за основу ту самую скифо-сарматскую трехфункциональную систему общества. Смотрите. Пятилетки и коллективизация – это развитие земледельческой функции. Возрождение патриаршества и учреждение Совинформбюро – это создание жречества. Кроме того, именно при Сталине сформировалась советская военная элита. Неслучайно империя, которую строил Сталин, простиралась от Балтийского до Японского моря. То, что является Евразией по духу, должно занимать Евразию территориально.

Зал снова захлопал, а женщина в желтом подарила Коромыслову цветы. Потом те, у кого были книги, выстроились в очередь за автографами.

Маир повернулся к нам с Вадимом:

– Мы с Алексеем Зеноновичем после автограф-сессии хотим пообедать где-нибудь. Если есть время, присоединяйтесь.

У Вадима прямо уши приподнялись.

– Серьезно?

Я тоже обрадовался такой возможности, но не стал показывать это так открыто. От хороших предложений нужно дважды отказываться и только на третий раз соглашаться. Так делал *Сауассæ,* когда его в подводное царство приглашали. Поэтому я сказал:

– Как-то, неудобно. Он же нас первый раз видит.

Вадим посмотрел на меня потерянным взглядом, а Маир сказал:

– Не *тыхсуй*, познакомлю.

– Ну не знаю. Может быть, он вообще не хочет никого видеть после лекции.

– Он очень общительный. Но если у вас государственные дела…

– Нет никаких дел! – ляпнул Вадим.

Я нахмурился на него.

– Дела всегда есть. Но сегодня они могут подождать.

Коромыслов взял свой букет и сел с Маиром на заднее сиденье, а Вадим сел рядом со мной. Я предложил поехать в «*Куырой*», и все согласились. На мосту Коромыслов посмотрел на «Бэтмена» и спросил, кому это памятник.

– Генералу Плиеву, – ответили мы хором.

– О! Это ведь он предотвратил запуск ракет во время Карибского кризиса?

Мы дружно кивнули.

В «*Куырое*» было много свободных столов. Мы сели на веранде. Маир сел во главе стола за *хистæра*[12], а мы с Вадимом по бокам от него. Коромыслов сел рядом со мной. Так-то он старше всех, но он гость и не знает, что делать.

Я сразу решил, что заплачу за всех, поэтому первый заговорил с официанткой, тем более, я ее знал. Я в «*Куырое*» знаю даже поваров.

– Привет, Дзера. Как дела?

– Все хорошо. – Она улыбнулась так, что ямочки на щеках появились и грудь приподнялась. – Вот, работаю.

– Мы тоже, – сказал я. – Думаю, можно обойтись без меню. – Я оглядел других присутствовавших за столом. Вадим и Маир не возражали. – Алексей Зенонович, доверитесь моему вкусу?

– Раз уж я в гостях, то должен есть что дают.

– Отлично. – Я снова посмотрел на Дзеру, она достала блокнот. – Тогда три пирога нам: *цæхæраджын, уæлибæх* и *картофджын*. Шашлык давай бараний – семь штук, овощную нарезку и… что-то еще я хотел заказать. Вспомнил! *Дзыкка*! Давай нам *дзыкка!*

– Сколько?

– Один горшок. Это специально для гостя.

Коромыслов приподнял бровь. Он явно заинтересовался *дзыккой*.

– И еще араку. Большой кувшин. И первым делом принеси вазу, чтобы мы цветы поставили.

Дзера прочитала заказ вслух и, когда я подтвердил, отошла.

Коромыслов поинтересовался, чем мы с Вадимом занимаемся. Мы рассказали, что мы депутаты и какие у нас законопроекты на повестке.

---

[12] Хистæр – старший (*осетинск.*).

– А как переводится название ресторана?

– Мельница, – сказал я. – Раньше здесь действительно была водяная мельница.

– Вода по-осетински будет «дон», – добавил Вадим.

– Это я знаю, – сказал Коромыслов. – Дон, Днепр, Дунай…

– Да. Но теперь, когда вы знаете слово «*куырой*», можете добавить в этот список район Лондона – Кройдон.

– Это что получается? Мельничная река?

– Да. Аланы оставили свои топонимы по всем британским островам. Белфаст, например, переводится как «вспаханный лопатой».

– Хм, – ответил Коромыслов.

Дзера принесла длинную тарелку с огурцами, зеленым луком, помидорами и редиской, кувшин с аракой, стаканы, горшок с *дзыккой* и вазу.

– Соль не забудь, – напомнил я, потому что на осетинском столе обязательно должна быть соль. Соль связывает этот мир с потусторонним – поэтому на поминках, например, все блюда, включая сладости, посыпают солью.

– Я же правильно понимаю, – сказал Коромыслов, ставя букет в вазу. – Пока не принесут пироги, начинать нельзя?

– Все верно, – подтвердил Маир. – Вот вы понимаете. А многие осетины уже нет. И это плохо. В осетинской трапезе ведь каждая деталь имеет свое сакральное значение. Мы вам все сейчас на примерах объясним.

– Буду рад посмотреть и послушать.

Дзера принесла солонку и пироги, на которых лежали шашлыки. Вадим встал и налил всем араку. Тогда встали и мы с Маиром, а по нашему примеру и Коромыслов.

– Для начала мы должны выпить за Великого Единого Почитаемого Бога, – пояснил Маир для Коромыслова и взял в одну руку стакан, а в другую – шампуры. Он посмотрел на небо и произнес:

– О, *Стыр Иунæг Кадджын Хуыцау, табу дæхицæн!*[13]

– *Оммен, Хуыцау!* – воскликнули мы с Вадимом.

– *Æппæт дуне сфæлдисæг дæ, æмæ нæ дæ хорзæх уæд!*[14]

– *Оммен, Хуыцау!*

Маир сказал еще несколько фраз, так что мы еще три раза кричали «*Оммен, Хуыцау!*». Маир протянул стакан Вадиму и тот отпил из него, а потом откусил от шашлыка. Тогда Маир вернул шампуры на поднос, поставил стакан, оторвал кусок от верхнего пирога и положил его в рот Вадиму.

Настала моя очередь как второго старшего. Я возгласил:

– *Æмбал кæмæн нæй, уыцы Иунæг Кадджын Хуыцау, табу де 'стырдзинадæн! Дæ хорзæхæй кæддæриддæр хайджын куыд уæм æмæ нæ куывдтытæ де 'ккаг куыд уой, ахæм арфæ нын ракæн!*[15]

– *Оммен, Хуыцау!*

Я опустошил стакан.

Потом Вадим сказал свое слово и допил стакан, из которого до этого пригубил. Тогда Маир выпил свой стакан и посмотрел на Коромыслова. Тот сказал: «С Богом!» – и тоже выпил. Мы сели. Кроме Вадима, который резал пироги. Он спросил, кто какой пирог будет, и положил каждому, что тот попросил: Маиру – *картофджын*, Коромыслову – *уæлибæх*, мне – *цæхæра-*

[13] Да будет прославлен Великий Единый Почитаемый Бог! (*осетинск.*)

[14] Ты – Создатель Вселенной, и пусть благодать твоя будет с нами (*осетинск.*).

[15] Не имеющий равных Почитаемый Бог, да будет прославлено твое величие. Благо твое да пребудет с нами, и наши молитвы да будут достойны тебя (*осетинск.*).

джын. Потом положил каждому мясо с шампура. Только после этого он взял себе кусок мяса и кусок пирога, от которых откусывал, и сел.

– Приятный напиток, – Коромыслов понюхал пустой стакан.

– Осетинский виски, – ответил Маир. – Говорит о глубокой связи алан и кельтов.

– А знаете, Маир Валерьевич, то, что вы сейчас совершали, напомнило мне причастие.

– Это и есть причастие, – ответил Маир. – Только оно не имеет отношения к христианству. Осетинская, ир-ас-аланская обрядовость складывалась самостоятельно и намного раньше. Вам также могло показаться, что мы произносим «Аминь».

– Да, именно это я и расслышал.

– В каком-то смысле это и есть «Аминь», точнее более ранняя форма. Мы говорим: «*Оммен, Хуыцау*», что происходит от аланского «*О, мейн Хуыцау*», что означает «Да, мой Бог». Это в сокращенном и искаженном виде «Амен/Аминь» вошло в семитские языки, а оттуда и в другие.

Коромыслов взял огурец из овощной тарелки и задумчиво съел. Я принялся за пирог, пока горячий. Хороший получился *цæхæраджын* – сыр тянулся, а листья были без стеблей. Значит, и *уæлибæх* должен быть хорошим, достойным предстать перед важным гостем.

Коромыслов взял свой кусок пирога:

– Вот *валибах*. Прекрасная иллюстрация к моей сегодняшней лекции. Это пирог с сыром. Сыр – традиционная еда кочевников-скотоводов, а хлеб – еда оседлых земледельцев. Сочетание этих двух продуктов возникает вместе с государствами, которые есть синтез двух образов жизни. Кто ест пирог с сыром, тот и является носителем данной формулы власти.

Мне эти слова караул как понравились – и, по ходу, не только мне, так что мы все довольно откинулись на стульях. А Коромыслов спросил:

– А почему пирогов бывает три?

– Это довольно сложная символика, – опередил Маир меня и Вадима. – Мир, согласно учению древних ариев, подразделяется на три уровня: Верхний, который населен светлыми духами, Средний, который предоставлен человеку, обращающемуся за помощью к земным духам, и Нижний мир, скрывающий могущество сил земли и воды. У скандинавов они названы Асгард, Мидгард и Удгард.

– Кроме того, – добавил я, – три пирога – это будущее, настоящее и прошлое. Когда человек умирает, у него больше нет настоящего, он не присутствует в нашем мире. Поэтому на поминальные столы мы ставим не три пирога, а два.

– *Ам фарны койтæ кæнæнт*[16], – сказал Маир. – Сейчас мы сидим за квадратным столом. Но традиционный осетинский стол – круглый. Именно на такой стол наши предки клали пироги. Получается три круга в круге. Еще Блаватская описывала такой символ, а Рерих изобразил его на знамени мира.

– Ну и круглый стол короля Артура, я так понимаю, тоже к этому восходит. – Коромыслов откусил редиску. – Ведь прототип Артура был сарматским вождем.

– Да, да. Имя Артур переводится с осетинского как Огненное солнце.

Я съел кусок шашлыка, потом кусок *картофджына*. Он был суховат. Надо было к нему топленого масла попросить.

Маир вытер руки салфеткой и снова встал. Вадим снова наполнил стаканы.

– Второй раз, – Маир посмотрел на Коромыслова, – мы должны выпить за *Уастырджи*.

– О, этого я знаю! Это святой Георгий.

Мы аж стаканы опустили. Коромыслов – умнейший человек, но даже он поддался дезинформации. Пришлось правильно расставить акценты.

[16] Пусть здесь говорят только о хорошем (*осетинск.*).

– Как бы проще объяснить, – начал Маир. – *Уастырджи* это не святой Георгий. Их часто отождествляют, потому что оба изображаются верхом. И еще праздник Уастырджи совпадает с Юрьевым днем. Но на самом деле это разные персонажи.

Коромыслов слушал с интересом, не опуская стакан. Маир продолжал:

– Различия есть уже во внешнем облике. Георгий – молодой парень, *Уастырджи* – старец. У Георгия самый обычный конь, у Уастырджи – трехногий и крылатый. Но самое главное отличие в том, что Уастырджи никогда не был человеком. Он – небесный покровитель путников и воинов, да и вообще мужчин, поскольку каждый мужчина – воин и путник.

– То есть бог дороги?

– Нет, нет, – запротестовали мы с Вадимом. – Бог – один! У нас не язычество!

– *Уастырджи* – посредник между Небом и Землей, – четко определил Маир.

– Кажется, понимаю. Вроде ангела?

– Да, вроде того.

Конечно, это не совсем правильно, поскольку ангел – авраамистское понятие. Но в двух словах лучше не объяснишь.

Мы выпили за *Уастырджи*. Коромыслов говорил «*Оммен, Хуыцау!*» в нужных местах. Снова сели.

– А что это в горшочке, Реваз? Вы, кажется, сказали, это для меня?

– Точно. Я чуть не забыл. Это *дзыкка*.

– Это как кашу едят?

– Нет. Оно слишком густое. Лучше вилкой или как фондю.

Коромыслов намотал *дзыкку* на вилку и попробовал.

– Очень вкусно и, чувствую, сытно. Там сыр?

– Да, еще кукурузная мука и сметана.

Он съел как минимум половину горшка. Мне было приятно, что я его удивил. Осетинские пироги и в Москве делают, а *дзыкка* – вещь редкая.

Вадим от второго стакана раздухарился:

– Вот вы, Алексей Зенонович, знаете, как наш город называется по-осетински?

– Нет. Знаю только, что в советское время он назывался Орджоникидзе.

– Не все советское время. До революции город официально назывался Владикавказ, после его переименовали в Орджоникидзе. Но осетинское народное название всегда было *Дзæуджыхъæу*, Дзауджикау. И вот однажды первому секретарю Северо-Осетинского обкома Кубади Кулову позвонил лично Сталин. Он спросил у Кулова по-осетински: «Как ваша столица называется?» Тот ему отвечает: «Орджоникидзе». А Сталин такой: «И вам нравится это название? Его ведь трудно произносить, и оно не историческое. Я слышал, что родное название города Дзауджикау». Кулов ему: «Совершенно верно, товарищ Сталин, Дзауджикау». И тогда Сталин сказал: «Ну, так его и назовите».

– Получается, Сталин вернул городу его народное название?

– Да. А потом пришел Хрущев и снова переименовал его в Орджоникидзе.

– А что означает это название?

– Село Дзауга. Это в честь Дзауга Бугулова – основателя первого поселения в этих местах, – Вадим показал пальцем на другой берег. – Вон там памятник ему.

– Это только на поверхностном уровне, – вмешался я. – На самом деле это название имеет более глубокий смысл.

Маир посмотрел на меня со значением – явно понял, к чему я веду. А Вадим слегка недоумевал.

– Дзауг Бугулов скорее легендарный основатель. Символ города.

– Персонификация, – подсказал Маир.

– Именно. Мы не знаем, кто был его прототипом. Но мы можем точно перевести имя Дзауг. Оно означает «идущий» или «паломник». Село паломника – вот что такое Дзауджикау.

– А куда держали путь паломники? – Коромыслов положил себе в тарелку по куску шашлыка и *картофджына*.

– В Южную Осетию. А именно к святилищу *Джеры Дзуар*.

– О, я сейчас расскажу про Джер. – Маир встал. – Но пока третий *куывд*[17].

Третий раз положено выпить за тот повод, по которому собрались. Поэтому Маир сказал за гостя, а я перевел это в общих чертах: чтобы он избегал горя и болезни, чтобы дороги его были прямыми и чтобы он находился под крыльями небесных покровителей. Коромыслов поблагодарил нас и тоже выпил.

Стало жарко. Мы с Вадимом сняли пиджаки.

– Триксель Славы. – Коромыслов смотрел на вышивки на наших *хæдонах*. – Очень древний символ.

– Для нас он родной, – сказал я и подумал, что надо бы ему подарить такой *хæдон.*

– Так вот, про Джер, – вспомнил Маир. – У Виссариона и Екатерины Джугашвили два первых ребенка умерли младенцами. Третий ребенок, Сосо, тоже был болезненным, и они за него очень боялись. Кто-то из родственников сказал Виссариону, что это фамильное проклятие, и посоветовал им отправиться в Джер, чтобы снять его. Джер не так уж далеко от Гори, десять часов пешком. Правда, идти нужно в гору. И вот Джугашвили взяли ребенка и черного барана и отправились туда. Там у святилища они принесли барана в жертву и попросили у духа этого места исцеления. После этого Сосо перестал болеть, и до самого конца кроме травмированной руки его ничего не беспокоило.

– Потрясающая история, – Коромыслов всплеснул руками, и кусок шашлыка упал у него с вилки на пол.

– Помянутый дает о себе знать, – сказал Маир. – Не поднимайте. Пусть будет ему посвящено.

– *Хæлар*[18], – сказали мы с Вадимом. И тут на веранду запрыгнул большой черный кот с мощными усами. Он схватил упавший кусок и убежал.

– Как вы, Маир Валерьевич, сказали, называется то святилище?

– *Джеры Дзуар.*

Коромыслов вытащил из кармана телефон и сделал заметку.

Мы съели еще по паре кусков шашлыка и пирога, а затем встали четвертый раз.

На четвертый раз положено помянуть усопших. Маир даже голос понизил. Никакого «*Оммен, Хуыцау!*», разумеется, не было. Я вспомнил тех, кто у меня умер. Это оба деда и бабушка по пахану. Другая бабушка здоровая и живет в селе с дяханом. Еще я подумал о пахане и сразу подумал, что зря подумал о нем в такой момент, он ведь живой. Все помолчали – каждый кого-то вспомнил.

Подул ветер и унес несколько салфеток в реку. Вадим поставил на другие салфетки солонку. Стало прохладно, и мы снова надели пиджаки. Маир заговорил:

– У осетин нет представления о спасении души. Нет ада и рая. Есть только страна мертвых, куда попадают все. Осетин не стремится туда попасть. Недаром Сослан, когда спускался в страну мертвых, перековал подковы своей лошади задом-наперед, чтобы мертвые не вышли по его следам. При этом осетин, который живет по обычаям своего народа, не боится попасть в страну мертвых. Положение человека там зависит от жизни здесь. Если он совершал при жизни то, что у нас называется словом *худинаг*[19], то в стране мертвых ему будет не очень уютно. Ведь

[17] Тост, молитва (*осетинск.*).

[18] На здоровье! (*осетинск.*)

[19] Позор (*осетинск.*).

там он встретит тех, перед кем испортил репутацию, да и на земле его не помянут добрым словом.

– В этом что-то есть. – Коромыслов заточил зеленый лук. – Ад – это другие.

Я спросил у Маира разрешения выйти из-за стола.

После туалета я подошел на кассу и расплатился за всех, чтобы опередить Маира и Вадима. Еще Дзере в карман на фартуке пятьсот рублей засунул.

Когда я вернулся, за столом шла речь о скифо-сарматских истоках русской государственности.

– Так значит, призвание варягов – неправда? – спросил Вадим у Коромыслова.

– Не совсем так. Призвание варягов – локальное событие Новгорода и Ладоги. Западники уже задним числом придали ему всероссийское значение и возвели родословную русских князей к Рюрику. При этом еще до всяких скандинавских влияний на Руси была государственность, и государственность именно скифо-сарматского типа. Важно донести это до широких масс. Варяжская гипотеза не только несостоятельна, она вредна. Скандинавы – последние, с кого нам стоит брать пример. Посмотрите, что у них происходит. Они разрушили семью ювенальной юстицией, разрушили церковь женским священством. И так далее.

Я хотел вставить, что разрушение церкви – не самая большая беда, но не посмел перебить. А Коромыслов, будто прочитал мои мысли:

– Церковь, значит, разрушили, а к древним своим верованиям не вернулись. То есть ни туда ни сюда. Они кричат о глобальном потеплении, будто других проблем не осталось. А сами между тем перестали размножаться. Зато активно размножаются приезжие, которые вытесняют местную культуру.

– Вот этого мы у себя точно не допустим, – сказал Вадим. – К нам может приехать любой. Мы всем рады. Но, приезжая, он должен уважать наши законы и обычаи. Вести себя тихо.

– Осетины, – Коромыслов вытер салфеткой пот на лбу, – могут вернуть Россию на имперский путь.

Я воспользовался возникшей паузой:

– Тем более два генсека, которые правили самой железной рукой, были осетины.

Коромыслов закрыл рот, в который хотел положить редиску, опустил руку и посмотрел на меня:

– А кто второй?

– Андропов.

– Бекойты! – поправил меня Маир.

И мы рассказали, что отец Юрия Андропова – Алексей Бекойты родился в селе Цир Южной Осетии. Он уехал на Ставрополье, где встретил казачку, которая родила ему двух сыновей и одну дочь. Потом, во время Гражданской войны, он тяжело заболел и скончался. А его вдова вышла замуж за человека по фамилии Андропов. Родственники генсека и по сей день живут в Северной Осетии в селении Ногир.

Эта история произвела на Коромыслова большое впечатление. Он процитировал Рериха:

– Счастливы должны быть осетины, измеряя славные корни свои! – А потом добавил еще от себя: – Но не только корни, но и ветви.

Когда на столе остались только два куска *картофджына* и один помидор, мы встали в пятый раз – выпили за *бæркад*[20] и перевели это понятие для Коромыслова.

– А где наша официантка? – Маир застегнул пиджак и огляделся.

– Все уже, – сказал я. – Уплачено.

– Вот зачем ты так?

– Нормально. Я угощаю.

[20] Изобилие (*осетинск.*).

Вадим ничего не сказал. Он знал, что у него еще будет много возможностей заплатить за меня где-нибудь.

Мы вышли из ресторана, я заметил, что у Коромыслова *дзыкка* в бороде (или борода в *дзыкке*, не знаю, как правильно). Я ничего ему не сказал – постеснялся. Другие, наверно, тоже постеснялись. Мы проводили его до гостиницы «Владикавказ», где он остановился. Это совсем рядом.

На прощанье Коромыслов с нами всеми обнялся и сказал:

– Большое спасибо за этот пир. Теперь я начинаю понимать значение осетинской трапезы.

Мы улыбнулись, и Коромыслов зашел в гостиницу с букетом.

– Такси вызвать? – предложил Маир.

А я ответил:

– Я всех доброшу.

– А если остановят?

– Не *тыхсуй*[21]. Мы же депутаты.

***

Состоялось мое первое в текущем квартале свидание с Альдой. Все никак у нас не получалось. То у нее эфиры и съемки, то у меня чтения, рабочие группы, семья, наконец. И вот выдался хороший день – посреди недели, у меня без депутатских мероприятий и у Альды без ее дел. Альда забронировала люкс в спа-отеле «*Донбеттыр*» в Фиагдоне. За мой счет, само собой. Мы приехали по отдельности. Альда на такси, а я за рулем. Нужно быть осторожными. В Осетии все друг друга знают, а тем более таких публичных людей, как мы.

Альда – дикторша на *Ир ТВ* и признанная на всю республику красавица. За ней многие ухаживали – и олимпийские чемпионы, и крупные бизнесмены. Но она отдала предпочтение мне. Хотя, как выяснилось, не первому, но кто прошлое помянет…

Мы познакомились полгода назад, когда я пришел на ток-шоу «Открытым текстом». Раньше я ее только по телевизору видел и думал: «Ах, какая женщина, мне б такую». Как только я ее за кулисами встретил, сразу предложил вечером куда-нибудь сходить. Она ноль внимания и даже телефон не дала. Я потом целый месяц раз в три дня ей цветы присылал на работу. Анонимно, конечно. А через месяц прислал новый айфон, который только вышел и которого ни у кого в Осетии пока не было. Я подгадал это под следующий визит на *Ир ТВ*. Тогда я ее поймал в коридоре и сказал, что все подарки от меня были. С тех пор у нас все гармонично: зажигаем, отношения не выясняем, мозги друг другу не делаем. Только конспирация напрягает. Мы стараемся по возможности выехать с ночевкой в Кабарду или Ставрополье, если у меня есть убедительная легенда для Дианы. Но в этот раз у нас даже ночи не было в распоряжении.

Я припарковался в самом неприметном месте и вылез из машины в войлочной шляпе и солнечных очках. Знакомых не увидел. Вокруг были сплошные туристы. Их легко узнать по шортам. Мужские шорты – предмет моей отдельной законотворческой озабоченности. Я хочу их запретить, но мои инициативы блокирует оппозиция, которая считает, что это уменьшит туристический и, следовательно, денежный поток в республику.

Альда открыла мне в отельном халате и тапочках.

– Как раз собиралась залезть в джакузи, – сказала она, впуская меня.

Тут я должен признаться. Пусть внешне Альда само совершенство, трогать ее не очень приятно. Она вся холодная – руки, ноги, грудь и так далее. Я это заметил, когда мы первый раз в постели оказались. Тогда я подумал, что она просто замерзла или разволновалась. Но

[21] Тыхсын – тревожиться (*осетинск.*).

во второй и третий раз было то же самое. С тех пор я устраиваю свидания там, где есть сауна или джакузи с подогревом, чтобы она как следует прогрелась. Тогда все по кайфу. Ей я не объяснял, почему такие места выбираю. Зачем? Она очень любит греться, не вылезала бы из всяких саун, если бы могла.

– Тебя признали? – я закрыл за собой дверь.

– Конечно. Девочки на ресепшене даже паспорт не спросили.

– Телевизор смотрят?

– Они молодые совсем. Какой телевизор? На инстаграм[22] мой подписаны.

Я сел в кресло и бросил шляпу на кофейный столик. Вода в джакузи была спокойная, от нее поднимался пар.

– Расслабься, – Альда села в другое кресло и закинула ногу на ногу. – Никто не подозревает. Многие женщины приезжают сюда в одиночку. Баня, грязевые маски, пилинг…

– Может быть, у них тоже любовники?

– Если я их не заметила, то…

В дверь постучали. Я пересел на кровать – ее не видно со входа. Альда открыла. Молодой женский голос сказал:

– Ваши коктейли.

Альда ответила:

– Спасибо. Закроете сами?

Хлопнула дверь, и Альда вернулась с двумя бокалами чего-то оранжевого.

– Я заказала нам апероль шприц.

Я вернулся в кресло, взял бокал и посмотрел через него на солнце.

– Ты что, никогда не пробовал?

Я осторожно втянул через трубочку.

– На фанту похоже.

Альда улыбнулась и выдула полбокала. Я отпил еще раз, снял очки и развалился в кресле. Эта газировка нехило ударила в ноги. Альда включила музыку через блютуз-колонку. Пела Лана Дель Рей с каким-то мужиком. Альда подошла к окну с бокалом в руке и посмотрела на башни вдали.

– Какой вид!

– Даже не думай фотки выкладывать.

– Я, по-твоему, совсем дура? Кстати, что за проект по древностям у тебя в работе?

– Тебе-то зачем?

– Во-первых, мне интересно, чем занимается мой любовник. Во-вторых, я журналистка как-никак.

– Ты диктор. Читаешь чужой текст.

– А до этого была репортером, – она повернулась от окна ко мне. – Как именно ты намерен охранять наследие предков?

– А вдруг ты засланный казачок.

– Чей?

– Шваб, Сорос, Ватикан, – бросил я шутливо. Ну или не совсем шутливо.

– Последнее – не вариант. Я убежденная *ассианка*.

Это точно. У нее даже Триксель Славы на спине вытатуирован.

– Тогда ты засланный казачок от строительного бизнеса.

– Значит, твой проект мешает застройщикам?

– Не так сильно, как это преподносят мои оппоненты. – Я не хотел говорить о делах. – Нет, ты точно засланный казачок.

---

[22] Компания Meta, которой принадлежит Instagram, признана экстремистской и запрещена в России.

Альда поставила бокал на бортик джакузи.

– Пожалуй, вернусь к тому, на чем остановилась.

Она сбросила халат, залезла в воду и включила пузыри.

Я медленно допивал коктейль. Альда погрузилась в воду по самые глаза и где-то минуту смотрела на меня, не моргая как крокодил. Вынырнув, она вздохнула во всю грудь и прикрикнула:

– Долго мне тебя ждать?

Я поставил на столик пустой бокал, разделся и полез в джакузи.

***

Мы с Дианой закинули детей к *каисам*[23], чтобы спокойно поискать *кæлæнтæ*.

Сначала заехали к пахану на работу. Там была только охрана. Я показал удостоверение, сказал, что пахан меня прислал, и нас пропустили.

Мы посмотрели ящики в столе, перелистали папки и не нашли ничего подозрительного. Проверили всякие предметы на столе и в шкафу: рог, кинжал, песочные часы, фигурку коня из кристаллов Сваровски. Тоже ничего. Я заглянул за настенный аланский календарь. Диана залезла под стол, потом попросила меня шкаф отодвинуть, чтобы посмотреть за ним. Ничего. Ни булавок, ни ниток, ни мешочков с кладбищенской землей.

Дома мы приподняли ковер в спальне родителей, сняли и снова повесили гобелен с барсом, перетрясли подушки, наволочки и одеяла, отодвинули трюмо. Я вывернул все карманы пахановских пиджаков и брюк и пролистал его книги. Мы обшарили зал, кухню – проклятые предметы ведь можно и не в личных вещах оставить, а там, где человек проводит много времени. Ничего.

Через полтора часа мы уже не знали, где еще искать, и сели на кухне уставшие. Диана была красная и тяжело дышала.

– Скорее всего, ничего нет, – я облокотился о стол. – Если на работе не нашли, то здесь точно не будет. Нужно признать, что иногда инфаркт – это просто инфаркт.

– Наверно, ты прав.

Диана встала, налила себе «Урсхох» в стакан, сделала глоток и тут же выплюнула брызгами, как пульверизатор. Я подскочил, чтобы похлопать ее по спине, но она выставила ладонь, мол, не надо.

– Я в порядке. Смотри!

– Куда?

– На картину.

Я посмотрел на картину над столом. На ней три аланских воина в кольчугах сидят за традиционным круглым столом с пирогами. Ее пахану кто-то на шестьдесят пять лет подарил. Он весной отмечал в «Массагете».

– Смотрю. И что?

– Внимательно посмотри.

Я напряг зрение и внимание.

– Не понимаю. Скажи уже.

Диана вытерла воду с подбородка:

– У них на столе два пирога.

Я чуть мимо стула не сел. Действительно на столе было два пирога. Это не пир, а поминки. И главное, цвета такие яркие, вокруг зелень, горы, солнечный свет – типа праздничное настроение. Я лично эту картину вешал, гвоздь для нее забивал, и не обратил внимания.

[23] Каистæ – родители жены (*осетинск.*).

– Кто ее подарил? – Диана снова налила себе воду.
– Не помню. Пахан должен знать.
– Что будем делать?
– Я разберусь. Пока снимем.
Я отнес картину в гараж и поставил лицом к стене.

***

Я не люблю коммунистов. Коммунизм размывает социальную иерархию, а общество без иерархии не устоит. Коммунизм отрицает значение национальности, а это уничтожает культуру и лишает человеческую личность ее оснований.

Однако искусство политика – в том, чтобы консолидироваться с кем угодно ради важного дела. Для меня такое дело – установка памятников Сталину. Ради этого я готов на время забыть об идеологических разногласиях и работать даже с коммунистами. Вадим солидарен со мной.

Вот уже два года мы совместно с коммунистами реализуем межфракционную инициативу «Сталин в каждое село». В ее рамках мы ставим памятники Сталину там, где их по каким-то причинам нет. Мой вклад состоит в том, что я нахожу спонсоров, поскольку у меня есть связи в бизнесе. А Вадим отвечает за Правобережный район, где он может зайти без стука к главе любого поселения. Нам важно также присутствовать на открытиях, чтобы коммунисты не присвоили инициативу.

Сталина я коммунистом не считаю. Пусть он формально и возглавлял КПСС, по факту он восстанавливал социальную иерархию. Не ту, что была при царе, а более древнюю. Об этом подробно рассказывает Коромыслов. Сталин ликвидировал Троцкого и положил конец ленинскому бардаку, когда в трамваях ездили голышом. Так что я, Вадим и некоторые другие депутаты – не-коммунисты выступаем за решительное очищение образа Вождя от красных наслоений.

Когда мы начали нашу инициативу, в Северной Осетии было всего восемнадцать памятников Сталину. За два года мы довели их число до двадцати шести. Теперь мы установили двадцать седьмой в селе Хампалта Дигорского района. Это высокогорное село с населением двести четырнадцать человек.

Мы приехали к полудню. Я с Вадимом на его БМВ. Коммунисты – человек шесть или семь – на партийном минивэне. Заур Дзгоев – пивовар и депутат от зеленых – поехал на «гелике», а Сергей Кибизов – режиссер и депутат от «Развития» – на старом «пассате».

Перед зданием местной администрации уже собралась небольшая толпа – в основном мужчины за шестьдесят в кепках или шляпах. Был один в военной форме с наградами. Еще была девушка с фотоаппаратом. Перед зданием белело полотно, которым накрыли памятник. Он маленький, потому что бюст. Памятники в полный рост нам пока ставить не удается. Если бы не это полотно и толпа, и не поняли бы, что перед нами администрация, потому что на вывеске написано: «Лексан, профнастил, черепица».

Мы подошли всей делегацией. Впереди старший – коммунист Алибек Фатанов. Навстречу ему вышел старший из местных и поприветствовал нас:

– *Æгас нæм цотæ. Иуазæг Хуцауи иуазæг æй*[24].

Наша делегация встала с одной стороны от памятника, а местные с другой. И тут только я разглядел табличку «Администрация местного самоуправления села Хампалта». По ходу, лексан, профнастил и черепица были на первом этаже, а администрация на втором.

На крыльцо вышла полная женщина и придержала дверь для парня в белой рубашке, который выволок колонку и микрофонную стойку. Из окна на первом этаже кто-то высунул

[24] Добро пожаловать. Гость – Божий гость (*дигорск.*).

удлинитель. Парень включил колонку, и она засвистела, так что многие схватились за уши. Женщина дала парню подзатыльник. Парень отодвинул стойку, и свист прекратился.

Появился глава администрации – Царай Николаевич. Он пожилой, но бодрый. На нем был серый с отливом костюм. Заметив нас, Царай Николаевич спустился с крыльца и поздоровался с каждым за руку.

– Кто будет говорить от вас?

– Я, – вызвался Алибек.

Кто бы сомневался.

– И я, – добавил я.

Алибек недовольно зыркнул, но спорить не стал.

– Как вас зовут? – спросил Царай Николаевич.

– Реваз Батразов.

– Коммунист?

– Беспартийный.

Царай Николаевич пару раз пробормотал мое имя, чтобы запомнить.

– Кто еще?

Желающих больше не было.

– Тогда после вас, Батразов, откроем памятник.

Я не возражал.

Царай Николаевич поднялся на крыльцо и постучал по микрофону. Все посмотрели на него.

– Дни мои сочтены, а полномочия тем более, – начал он. – Поэтому я особенно рад, что застал сегодняшнее знаменательное событие. Сегодня мы открываем памятник генералиссимусу Советского Союза, товарищу Сталину. Наше село тоже причастно жизни и деятельности этого великого человека. Доподлинно известно, что шестого февраля тысяча девятьсот восемнадцатого года Иосиф Сталин, тогда еще народный комиссар по делам национальностей, держа путь из Владикавказа в Дигору, проезжал наше село, и его экипаж даже остановился у нас, чтобы напоить лошадей. Так что мы тоже нанесены на карту сталинографии. Перед тем как открыть памятник, я с удовольствием предоставляю слово лидеру фракции коммунистов в нашем парламенте Алибеку Дзибоевичу Фатанову.

Все захлопали, кроме нас с Вадимом. Алибек поднялся к микрофону. Коммунисты развернули красный флаг с серпом и молотом, Заур Дзгоев – флаг зеленых с елкой, Сергей Кибизов – флаг «Развития» с синей стрелой.

– Товарищи, соотечественники! – начал Алибек. – Мы как преемники КПСС всегда с особой радостью посещаем Дигорский район. Именно в Дигоре возникла партия «Кермен», позже влившаяся в РКП(б). И нет причин сомневаться, что в Хампалта была ее ячейка. Так что здесь для Осетии началась советская власть. Сегодня мы не просто открываем памятник, мы открываем новую главу…

– Вадим, – шепнул я. – Все с флагами, а мы без. Непорядок.

– Мы же беспартийные.

– И что? Беспартийный значит безыдейный? У тебя же в машине лежат какие-то флаги.

– Один фанатский, я с ним на футбол хожу. Второй с Трикселем Славы. Для кабинета заказал.

– Неси оба.

– Чего?

– Оба флага сюда, быстро, пока Алибек выступает.

Вадим смотался к машине и вернулся с флагами. Я взял с Трикселем Славы в красно-желто-белом цветах на черном фоне. Вадим растянул фанатский флаг с красным барсом на белом.

– И в заключение хочу отметить, что так называемый большой террор *Берийы лæхтæ сты*[25]. Сталин за голову схватился, когда узнал, что творил Берия. И присутствующие не дадут соврать, в селе Хампалта никто ни от каких репрессий не пострадал. Вы видели репрессии?

– Нет! – в один голос ответили местные.

– И я не видел. Так что нечего клеветать. Поздравляю вас с установкой памятника.

Снова захлопали все, кроме нас с Вадимом. Алибек спустился с крыльца и занял место среди однопартийцев.

– Слово предоставляется депутату парламента Ревазу Батразову, – объявил Царай Николаевич.

Мне некому было оставить флаг, поэтому я накинул его на плечи как плащ супермена и поднялся на крыльцо. Публика жидковато похлопала. Видимо, пришли в основном коммунисты.

– Приветствую собравшихся, – сказал я. – Мы только что услышали много слов про советскую власть, коллективизацию, индустриализацию и так далее. Все это верно, но давайте уже признаемся, почему мы воздвигли этот и другие памятники Сталину. Не потому, что он продолжатель дела Ленина, и не только потому, что он создал колхозы. Мы чтим его потому, что он наш единоплеменник, величайший из тех, кого рождал осетинский народ.

Толпа громко аплодировала, и мне пришлось подождать, пока она затихнет.

– Будучи осетином, верным сыном своего народа, Сталин был еще и в полной мере русским царем. Последним российским императором. Он противостоял тем, кто хотел сжечь Россию в огне мировой революции. И пока предатели возлагают цветы на могилу Троцкого, мы открываем памятники Сталину. Инициативы, подобные нашей, есть и в других регионах. Однако Россия демократического выбора и демографической катастрофы буквально встречает их в штыки. Здесь и там недобитые структуры Сороса находят рычаги, чтобы помешать активистам восстановить историческую справедливость. Только в Осетии, на исторической родине великого вождя, нам удается воздвигать памятники практически без чиновничьего сопротивления. Мы надеемся еще через три года поставить такие бюсты в каждом населенном пункте Осетии, а торжественным завершением инициативы должно стать открытие памятника в полный рост во Владикавказе.

Мне снова аплодировали, я поднял руку, чтобы навести тишину. Я сказал еще слова благодарности скульптору Виктору Гаглоеву, а также спонсорам и закончил речь так:

– Надеюсь, вновь открытый монумент будет особым почитаемым артефактом среди селян. Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

Я снял флаг с плеч и, размахивая им, под бурную овацию спустился с крыльца.

– Какой враг, Реваз? – спросил Вадим.

– Когда дело правое, враг есть всегда, хоть и не всегда видимый.

Место у микрофона снова занял Царай Николаевич.

– Право открыть памятник предоставляется единственному в этому учебном году выпускнику нашей школы Байрагову Володе.

Парень в белой рубашке, который выносил колонку, достал откуда-то палку, обвязанную разноцветными лентами.

– *Фарнæ, фарнæ, фарнæ!*[26] – сказал он и поддел палкой полотно.

Обнажилась грудь бюста с медалями, затем погоны, подбородок, а дальше полотно зацепилось за что-то. Володя резко дернул палку, полотно натянулось, но не слетело. Володя дернул в другую сторону, сквозь полотно проступили усы и уши, но оно все равно осталось на месте. Володя посмотрел на собравшихся, улыбнулся и стал энергично дергать палкой так,

[25] Это дерьмо Берии (*осетинск.*).

[26] Мир, мир, мир! (*дигорск.*)

что это выглядело как будто он бьет бюст по голове. По толпе прошел ропот. Кто-то из мужчин отвернулся, кто-то закрыл лицо рукой. Девушка с фотоаппаратом пыталась снимать, но ее оттеснили. Володя озирался и настойчиво лупил бюст. Полная женщина, которая открывала дверь, не выдержала и сорвала полотно руками, а Володе отвесила еще один подзатыльник. Раздался вздох облегчения и самые бурные за день аплодисменты.

На крыльцо вышла другая женщина с гармошкой и мужчина с доулом. Они запели быструю веселую песню. Я плохо понимаю дигорский, особенно когда поют, но одну строчку разобрал. Там пелось: чтобы Хрущев провалился еще глубже чем, где он сейчас.

***

Вечерами по понедельникам патриотическая молодежь собирается на *хъазт* на Проспекте Мира, прямо посреди бульвара. *Хъазт* – это вечеринка в национальном духе, где поют осетинские песни, танцуют осетинские танцы и не бывает пьянства и развязного поведения. Молодые парни и девушки играют на гармошках и *дала фæндырах*[27]. Люди постарше тоже приходят, но в основном посмотреть и послушать. Часто с любопытством подходят туристы и даже берут уроки национальных танцев. В старину на *хъазтах* можно было найти мужа или жену. Сейчас не знаю.

Бибо сказал, что на ближайшем *хъазте* выступит их хор «Ариаг». Поэтому я прямо с работы пришел послушать. Проспект Мира начинается как раз от площади Свободы, где расположено здание парламента. Звуки гармошки были слышны уже на площади, и я шел на них.

Народу собралось плотное кольцо в три ряда, так что я встал на бордюр, чтобы видеть, что происходит на танцплощадке. Две девушки и два парня танцевали *хонгæ кафт*[28]. Девушки в юбках до середины голени. В мини, в штанах или в шортах девушкам на *хъазт* нельзя. То есть прийти и постоять можно, но модератор не допустит их до танцев. На *хъазте* всегда есть модератор, который палочкой указывает на тех, кто будет танцевать.

Парни вышагивали на цыпочках, плавно сгибая и разгибая руки в локтях на уровне груди. Девушки семенили, тоже на цыпочках, и медленно поводили кистями, будто ловя невидимые волны. Каждая пара сходилась, расходилась, поворачивалась и снова сходилась, соблюдая все же почтительное расстояние.

Глядя, как танцует молодежь, я им позавидовал. Мне самому так и не дались национальные танцы. Спорт – да. Начинал с вольной борьбы, потом перешел в дзюдо. Был КМС. Гурджиевские танцы тоже даются. По крайней мере, я не самый деревянный в группе. А для национальных танцев не хватает то ли чувства ритма, то ли чего-то еще. Хотя, по идее, это должно быть у меня в крови.

Хонгæ кафт перешел в быстрый *зилгæ кафт*[29]. Парни выбрасывали одну руку в сторону, задрав локоть другой руки до головы, быстро перебирали ногами, перескакивая с пятки на носок и делали пируэты. Девушки ускользали от парней, заводя то одну, то другую руку за спину, потом оборачивались и хлопали, поощряя их мастерство. Народ стал вливаться в *зилгæ кафт*. Танцоры сменяли друг друга. Пары формировались и распадались. Все это длилось минут десять.

Потом был *симд*[30]. Парни взяли девушек под руку и пары чинно поплыли одна за другой. Вереница пар постепенно вытягивалась, чтобы образовать круг.

Во время *симда* ко мне подошел Бибо.

---

[27] *Дала-фæндыр* – струнный инструмент вроде балалайки.

[28] Танец приглашения – осетинский парный танец.

[29] Круговой танец – осетинский быстрый парный танец.

[30] Осетинский массовый танец.

– *Байрай!*

– *Хорз байрай!*

– Сейчас мы споем. Вон мои парни *симдуют*.

– А ты чего рядом со мной стоишь? Дыхалку бережешь?

– Танцы – не мое. Я чисто по вокалу.

Симд закончился. В кругу осталось восемь парней в *хæдонах* с валькнутами. Бибо покинул меня и занял свое место в ряду. Один парень вышел вперед, повернулся лицом к другим и сделал дирижерский жест. Хор загудел: «Оооооо» – протяжно и однообразно. Парень, сделавший жест, запел высоко и громко:

Сыгъдæг тугæй сыгъдæг туг,
Æхсæнтæ донæй æхсæнтæ дон.
Сæрыстыр у, кæд дæ ирон,
Зон дæ рагбон æмæ дуг.
Кадджын уæд нæ генотип,
Нæ æллон культурон код.
Нæ хъуыддаг уæлахиз фод.
Знæгтæй ма хъуысæд хъыпп-сыпп!
Алы адæмæн сæ хай,
Сæ паддзах æмæ хъысмæт.
Кæд нæ Ирыл у дæ мæт,
Райхъал у дæ тар фынæй! [31]

И хор закончил громогласно:

Ой, ой, гъе!

Народ какое-то время стоял бесшумно. Я первым захлопал и тогда подключились сначала кто был рядом, а за ними – все остальные.

– Отличная песня, – сказал я Бибо. – Чей текст?

– Коллективное творчество. Я лично придумал про *рагбон æмæ дуг*.

– Одобряю.

Бибо вернулся к товарищам.

Музыканты заиграли *Терчы бабызтæ*[32], и в кругу снова появились пары, танцующие *хонгæ кафт*. Среди девушек была одна с татуировками на икрах и запястьях. Я пытался разглядеть, что изображают эти татуировки, но не мог из-за того, что она все время двигалась. Она недолго протанцевала, юркнула в толпу и прошла ее насквозь, а ее партнер стал танцевать с другой девушкой.

Бибо что-то быстро сказал своим товарищам, отделился от них и нагнал ту девушку, с татуировками. Оба остановились под фонарем. Не было слышно, о чем они говорят. Бибо показал ей на ее руки, потом на ноги и судя по жестам, что-то спросил. Она ответила, резко отвернулась и пошла дальше. Бибо крикнул: «Эй!» – даже мне было слышно несмотря на музыку. Девушка не обернулась. Тогда Бибо снова нагнал ее и преградил ей дорогу.

Я почуял неладное и выдвинулся в их сторону. Стал слышен их разговор.

– Да кто ты мне такой? – сказала девушка.

Бибо дал ей пощечину.

---

[31] От чистой крови – чистая кровь, от помоев – помои. Гордись, если ты осетин, знай свое прошлое и свою эпоху. Слава нашему генотипу и нашему аланскому культурному коду. Да победит наше дело и да умолкнут недруги. У каждого народа своя доля, свои государь и судьба. Если ты волнуешься за Осетию, пробудись от своего темного сна (*осетинск.*).

[32] «Терские утки» – народная песня.

Я почти побежал. Девушка согнула колени, подняла кулаки и пробила двойку Бибо в челюсть. Я добежал как раз, когда он упал на газон. И тут я разглядел татуировки и лицо девушки. Татуировки изображали лавровые ветви, а сама она была известная спортсменка, двукратная чемпионка мира по кикбоксингу и участница турниров смешанных единоборств.

Я присел. Бибо дышал. Я взглянул на девушку, она потирала кентусы.

– Тебя же Ляна зовут, да?

– Да, Ляна. С ним все в порядке будет. Положите ему холод на затылок.

– Не учи ученого.

Ляна пожала плечами и пошла своей дорогой.

Я уложил Бибо набок и расстегнул ему ворот *хæдона*. Прохожие стали останавливаться. Хористы тоже прибежали. Я выцепил взглядом самого шустрого на вид и протянул ему штуку рублей.

– Быстро, принеси из магазина пачку пельменей.

Парень взял деньги и убежал. Я позвонил в скорую и сказал, что на углу Мира и Куйбышева молодой человек потерял сознание.

– Просто так потерял?

– Нет, его ударили.

– Кто ударил?

– Вы скорая или полиция? Пришлите бригаду и все.

– Ждите… Набок его положите.

– Положил уже.

На *хаъзте* все еще играла музыка. Вернулся хорист с пельменями, и я приложил их Бибо к затылку. Хорист протянул мне сдачу.

– Себе оставь.

– *Оу, цæй-ма!*[33]

– Ладно, – я взял сдачу. – Если спросят, его вырубил я. Случайно. Прием показывал. Ясно?

Хор пропел:

– *Ой, ой, гъе!*

***

Роксолан Сарматов выложил видео под названием «Они живут среди нас». Оно поселило во мне тревогу.

Я не так много блогеров смотрю. Но на канале Роксолана Сарматова я не пропускаю ни одного выпуска, включая стримы. Это самый правильный блогер. У него есть историческое образование и боевой опыт. То есть он знаком и с теорией, и с практикой политических процессов.

На его стримах бывают гости со всей страны и ближнего зарубежья, зрящие в корень вещей. Как-то у него был таролог из Гюмри, который сопоставил на графике раскопки в могилах аланских царей и крупные землетрясения. В другой раз была модель из Могилева, у которой после отказа от зубной пасты улучшилось самочувствие и повысился IQ.

Видео «Они живут среди нас» появилось на канале в два часа ночи, хотя обычно Роксолан выкладывает в шесть вечера. Я посмотрел его с утра в своем кабинете.

Роксолан сидел в своем привычном деревянном кресле с высокой спинкой на фоне черного флага с Трикселем Славы. Выглядел он хуже, чем обычно: небритый и с темными кругами под глазами.

[33] Ой, да ладно! (*осетинск.*)

– Здравствуйте, дорогие подписчики, – начал он. – Это внеочередное видео на моем канале. Сначала я думал провести стрим, так спешил поделиться новым знанием, но потом решил, что записанное видео посмотрит больше людей. И еще один дисклеймер. Скорее всего, этим видео я похороню свою карьеру видеоблогера. Уверен, многие после него от меня отпишутся. Я осознанно иду на это. Меня волнуют те немногие, кто воспримет меня всерьез. Надеюсь, им это видео поможет. Хотя чем тут помочь, я понимаю плохо.

Включилась его обычная анимационная заставка – барс запрыгивает на горную вершину под звуки *хъисын фæндыра*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.